

III. Статьи и сообщения

1. Символический аспект Власти: дискурсивные и семантические модели

Код ВАК 07.00.09

В. Д. Камынин, С. Ю. Шишкина

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПРОЦЕССОМ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ»

Статья посвящена анализу точек зрения о появлении в современной российской историографии термина власть. Авторы с помощью методов историографического анализа обосновывают причины выдвижения различных точек зрения и формулируют собственную позицию по данному вопросу. Они отстаивают мнение о непрерывности историографического процесса в России на протяжении XX – начала XXI столетия в изучении феномена власти.

Ключевые слова: историография; научный дискурс; термин власть; прерывность или непрерывность российской исторической науки.

В последние два десятилетия тема «власть и общество» становится модным трендом российской исторической науки. Она апробирована на многих периодах всемирной и российской истории, на общестрановом и региональном уровнях. Отличительной чертой этой литературы является различное понимание авторами используемых терминов, в том числе самого понятия власть.

Камынин Владимир Дмитриевич, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); доктор исторических наук, профессор.

Kamynin Vladimir, professor of the Department of Theory and History of International Relations of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: kamyninv@vandex.ru.

Шишкина Светлана Юрьевна, доцент кафедры политических наук Тюменского государственного университета (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, 10); кандидат исторических наук, доцент.

Shishkina Svetlana, associate professor of the Department of Political Sciences of Tyumen State University (625003, Russia, Tyumen, Semakova Street, 10); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86. Электронная почта/E-mail: sveshishkina@vandex.ru.

Появились работы, посвященные осмыслению различных теоретических подходов к рассмотрению данной проблемы и ее отдельных составляющих. Так, в интересной статье Д. А. Андреева «Власть: механизмы и режимы» анализируется литература, появившаяся в России на рубеже XX–XXI вв., в которой рассматриваются такие подходы к феномену власть, как ее легитимация, архитектурно-ландшафтные презентации, наследование власти, советники власти. Автор попытался на примере российской истории дать классификацию термина «режим», выделив переходные режимы, становящиеся режимы, режимы в апогее, режимы «по краям». Кроме того, он рассмотрел «тупики представительства»³⁰⁶.

Из многочисленной литературы, посвященной изучению феномена власть на региональном уровне, остановимся на работе орenburgского исследователя С. В. Любичанковского, который вводит читателя в «архитектурно-ландшафтные презентации» властных структур Уральского региона периода поздней имперской России (конец XIX – начало XX столетия). Чрезвычайно любопытными представляются наблюдения автора за эволюцией губернаторской власти различных губерний Урала в период кризиса Российской империи³⁰⁷. Достоинством работы Любичанковского можно считать не только глубокое проникновение в историю проблемы, но и хорошее знание историографии проблемы, ее основательный анализ.

Авторы данной статьи, понимая безбрежность исследования феномена власть, остановили свое внимание на вопросе о том, когда сложилась в современной литературе историографическая традиция изучения этого феномена. Анализ этой литературы дает основание утверждать, что существуют различные подходы к решению данного вопроса, принципиально отличающиеся друг от друга.

Андреев полагает, что изучение феномена власти выделилось в самостоятельное направление политической истории только в последние годы³⁰⁸.

Ряд современных исследователей признает, что в советской историографии имелись попытки исследования феномена власти. Однако они дают различную оценку предшествующей историографической традиции.

Любичанковский считает, что в советской литературе «проблематике власти как таковой не придавалось серьезного значения». В то же время он пишет, что «ситуация стала меняться только в 80-е гг. XX

³⁰⁶ См.: Андреев 2003.

³⁰⁷ См.: Любичанковский 2007.

³⁰⁸ См.: Андреев 2003: 122.

в., что связано, в первую очередь, с появлением работ А. Я. Авреха». По словам исследователя, «постсоветская историческая наука в период своего становления получила в качестве багажа оформленную тенденцию усиления внимания к состоянию власти в предреволюционной России»³⁰⁹.

Рязанский исследователь С. В. Куликов полагает, что в советской исторической науке проблема власти изучалась достаточно интенсивно. В то же время он указывает на принципиальное отличие современной историографии в подходах к рассмотрению данной проблемы. По его мнению, наметившаяся переориентация историков с изучения противоречий внутри общества и между властью и обществом на изучение противоречий внутри власти имеет большое методологическое значение, поскольку создает «предпосылки для освобождения исследовательского сознания от стереотипов, довлевших над ним в течение предыдущих десятилетий»³¹⁰.

Попытаемся объяснить наличие в современной литературе столь различных подходов к решению вопроса о появлении термина «власть». Ряд молодых российских авторов, пытаясь актуализировать данную проблему, действуют по привычному для отечественной историографии принципу «отречемся от старого мира» и связывают ее появление именно с современным периодом развития исторической науки. Андреев подчеркивает: «Работы последних лет анализируют историю власти, ее механизмов и технологий – явных и тайных, эффективных и малопродуктивных»³¹¹. Автор указывает даже на точную дату, с которой, по его мнению, началось изучение феномена власти. Он пишет: «Первым заметным шагом в этом направлении стал вышедший в 1996 г. коллективный труд петербургских историков "Власть и реформы. От самодержавной к советской России". Авторы предприняли попытку написать историю российской власти – с эпохи Средневековья до 1920-х гг.» В то же время Андреев указывает на переходный характер этого труда, который, по его словам, проявился в том, что в нем «причудливым образом переплелись черты старого (слово «реформа») и веяния нового (слово «власть»)»³¹².

В то же время сторонники этой точки зрения по-разному определяют причины, обусловившие проявление внимания исследователей к изучению феномена власти.

³⁰⁹ Любичанковский 2007: 10–11.

³¹⁰ Куликов 2004: 21.

³¹¹ Андреев 2003: 122.

³¹² Там же.

По словам Андреева, «возникновению этой "новой конъюнктуры"» способствовали два обстоятельства. Во-первых, «определенная методологическая исчерпанность традиционных подходов к описанию политических процессов в примитивных бинарных противопоставлениях "реформ" и "контрреформ", "либерализма" и "консерватизма"». Во-вторых, «"новая конъюнктура", безусловно, явилась результатом очевидной политизации нашей общественной жизни». Аналитика, пиар, непосредственное вовлечение многих историков в обеспечение современных политических процессов и т.п. «сделали чрезвычайно актуальной уже собственно научную проблему функционирования власти в прошлом»³¹³.

М. М. Кром считает основной причиной обращения к изучению феномена власти практически полную отработанность традиционных для изучения политической истории источников («вербальные формы политической риторики»). По его словам, обращение к «невербальным формам коммуникации» привело исследователей к изучению феномена власти³¹⁴.

Историографический анализ работы Любичанковского приводит к весьма любопытным наблюдениям. Признавая глубокое проникновение автора в историю губернаторской власти Урала, хорошее знание работ предшественников, авторы статьи не могут согласиться с его пониманием развития историографического процесса в XX столетии. Во-первых, Любичанковский неоправданно расширяет хронологические рамки советского периода, доводя их до середины 1990-х гг.³¹⁵ Такая постановка проблемы позволяет ему причислить работу «Власть и реформы» (1996 г.) к советской историографии и, хотя он делает оговорку, что «не вызывает сомнений, что авторы труда во многом вышли за рамки рассматриваемого этапа развития отечественной науки», но указывает, что «обобщающий характер исследования и отсутствие на тот период времени конкретно-исторических трудов по проблеме, созданных в постсоветской России, объективно связывают указанную работу» с советским периодом историографии³¹⁶. Тем самым Любичанковский теряет возможность учесть новизну подходов к проблеме власти, которые наметились в рамках двух совершенно своеобразных этапов становления современной историографии: этапа «перестройки» и развития исторической науки в первой половине 1990-х гг.

³¹³ Андреев 2003: 122.

³¹⁴ Кром 2001: 376–377.

³¹⁵ См.: Любичанковский 2007: 82.

³¹⁶ Там же: 89.

Во-вторых, как и многие другие исследователи. Любичанковский пытается связать постановку некоторых идей современной историографии с творчеством «инакомыслящих» советской эпохи. В частности, постановку проблемы власти он связывает с трудами А. Я. Авреха, который свой анализ сосредоточил на проблеме царизма, что объективно, по мнению Любичанковского, актуализировало тему до-революционной власти.

К слову, следует заметить, что термин «царизм» был в обиходе и у других советских историков³¹⁷. Другое дело, что Аврех, как и иные историки «нового направления», выход из историографического тупика, в который зашла советская историческая наука, видел в «новом прочтении Ленина». Объясняя свой интерес к царизму, автор пишет: «Переход от исследования на макроуровне к изучению на микроуровне есть всеобщий закон развития науки. Исторической науке до результатов, достигнутых в этом направлении естественными науками, еще, к сожалению, далеко. Но начало этому пути положено и здесь. Был, в частности, в советской историографии период, когда царизм и буржуазно рассматривали как единое целое. Потом был сделан очень важный шаг вперед – господствующей стала ленинская концепция трех лагерей в революции. На этой теоретической основе создано немало ценных исследований.

Теперь настало время сделать следующий шаг, определяемый отнюдь не субъективными пристрастиями и вкусами, а объективной потребностью исторической науки, достигнутым ею уровнем развития. Поставленная задача, равно как и состояние литературы по этому вопросу, строго лимитирует и отбор объектов исследования. Все внимание сосредоточивается на изучении собственно царизма»³¹⁸.

Аврех рассматривал царизм как автономную социально-политическую систему. Он писал: «Царизм как социально-политическая система в последнее десятилетие своего существования представлял собой единство четырех основных составляющих: собственно царизма, т.е. верховной власти, официального правительства, помещного дворянства и третьиюньской Думы, которую В. И. Ленин определял также как особую политическую систему». По признанию автора, «имелись и другие весьма важные элементы этой системы, такие, как армия, церковь, чиновнический аппарат, полиция», которые сам автор в своих работах не рассматривал, поскольку целью его исследования являлось «изучение царизма именно в социально-политическом плане, начиная от носителя верховной власти и его не-

³¹⁷ См.: Черменский 1976; Иоффе 1987; и др.

³¹⁸ Аврех 1989: 10.

посредственного окружения в лице камарильи и кончая социальной опорой режима³¹⁹.

Еще одну заслугу Авреха перед отечественной исторической наукой современные исследователи видят в том, что в трудах ученого была поставлена проблема кризиса власти как одной из составляющих общего кризиса дореволюционной России³²⁰. Аврех содержание этого кризиса видел в том, что «принцип государственного управления (под которым в данном случае понимается управление в наиболее общих интересах господствующего класса) заменяется управлением по принципу сосредоточения власти в руках узкой клики и в интересах клики, оторванной не только от народа, но и в значительной мере от своей собственной социальной опоры»³²¹.

Авторы данной статьи полагают, что в настоящее время слишком идеализировать взгляды Авреха нельзя. Он был человеком своего времени и, как все историки «нового направления», до конца оставался верным марксистско-ленинской методологии. Даже в своих последних книгах, увидевших свет в годы «перестройки», он весьма часто цитировал работы Ленина и рассматривал их в качестве методологической основы своей деятельности, но почему-то некоторые современные почитатели творчества Авреха при цитировании его работ выпускают те места, где ученый для подтверждения своих мыслей ссылается на соответствующие мысли Ленина.

Так, в частности, Любичанковский, приводя в своей работе странную цитату Авреха о царизме как целостной социально-политической системе, выпускает из нее, во-первых, то, что историк писал о царизме «в последнее десятилетие своего существования», во-вторых, слова Ленина о третиюньской Думе³²². Соответствующие места в цитате Авреха Любичанковский замсняет отточиями. Если пропуск первой части цитаты Авреха можно объяснить тем, что Любичанковский пытается его характеристику царизма распространить на весь период позднеимперской России, который исследует автор в своей работе, то пропуск слов Ленина о третиюньской Думе нельзя объяснить ничем иным, как желанием подчеркнуть независимость творчества Авреха от официальной идеологии. Между тем из контекста данной цитаты совершенно очевидно, что Аврех свою концепцию царизма как целостной социально-политической системе вывел именно из высказывания Ленина.

³¹⁹ Там же: 11.

³²⁰ Любичанковский 2007: 19.

³²¹ Аврех 1989: 174.

³²² Любичанковский 2007: 11.

В современной историографии идет дискуссия по вопросу о компетентности различных уровней власти в дореволюционной России. Многие авторы разделяют мнение американского исследователя Р. Роббинса, который высоко оценивает компетентность российских чиновников на рубеже XIX–XX вв., указывает на увеличивавшуюся профессионализацию губернаторского корпуса. Автор полагает, что в это время возросшие требования к кандидатам на должность губернаторов способствовали улучшению качества губернского управления³²³.

Уральский исследователь О. Н. Богатырева, характеризуя деятельность вятских и пермских губернаторов, заключает, что источники по этому вопросу опровергают ставшие привычным для советской историографии «взгляд на губернаторов как на надменных и невежественных чиновников»³²⁴. По ее словам, «губернаторский корпус состоял из вполне квалифицированных, компетентных и принципиальных чиновников, честно выполнявших свой профессиональный долг»³²⁵.

Между тем, Аврех, изучая Российскую империю последних лет существования, пришел к выводу, что правящий слой в это время страдал «синдромом некомпетентности, который увеличивается в размерах по принципу зарастающего рясной пруда. Каждый день площадь зарастания увеличивается вдвое». В полном соответствии с канонами советской историографии Аврех писал, что «бюрократия с первых же шагов начинает превращаться в оторванную от общества касту со своими собственными узкими корыстными интересами, противоречащими не только интересам общества в целом, но и в какой-то мере и интересам господствующего класса»³²⁶.

Авторам данной статьи наиболее убедительной представляется точка зрения С. В. Куликова о том, что в советской литературе имелась достаточно отчетливая традиция изучения проблемы власти. Советские ученые в соответствии с постулатами марксистско-ленинской теории при изучении российской истории и, в частности, предпосылок революционного движения исследовали не только действие социально-экономических факторов, но и рассматривали проблему власти. При этом при характеристике ее состояния в Российской империи в самый «застойный» период они использовали термины «кризис верхов»³²⁷, «самодержавие»³²⁸, «кризис самодержавия»³²⁹.

³²³ См.: Роббинс 1993: 209–210.

³²⁴ Богатырева 2004: 171.

³²⁵ Там же: 173.

³²⁶ Аврех 1989: 248.

³²⁷ См.: Иоффе 1984; Дякин 1982.

³²⁸ См.: Зайончковский 1970; Соловьев 1973; Давидович 1975; Дякин 1978; и др.

Нельзя согласиться только с тем утверждением Куликова, что советские исследователи все сводили к проблеме взаимоотношения между властью и обществом. На самом деле советскими историками изучались и сами властные органы³³⁰. Более того, хочется заметить, что прямыми предшественниками авторов труда «Власть и реформы» были известные ленинградские ученые В. С. Дякин и Ю. Б. Соловьев, посвятившие свои исследования изучению самодержавия. Работая в Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении Института истории АН СССР (РАН), они создали научную школу по изучению органов власти и управления в дореволюционной России³³¹.

Дякин «кризис самодержавия» понимал как «кризис системы управления»³³². Его работа «Третьионьская монархия. Крушение империи» была опубликована посмертно в труде «Власть и реформы»³³³.

Современными историками Р. Ш. Ганелиным и А. Н. Цамутали признается, что Соловьев в своих работах доказывал, что «самодержавие, как политический и государственный институт, являло собой крайне архаичное явление. Несоответствие самодержавной формы правления развитию экономических и социальных процессов в жизни России стало одной из причин его быстрого крушения в феврале 1917 г.»³³⁴

Обратимся к словам самого Соловьева: «Кризис, а затем и крушение самодержавия рассматривались в советской историографии преимущественно с точки зрения силы революционного натиска, *внутренние же слабости царизма, шаткость его социальной опоры и прогрессирующее ее разложение, растущая изоляция самодержавия привлекли меньше внимания. Между тем Февральская революция 1917 г. опрокинула власть, которая при всем своем внешнем могуществе уже десятилетиями переживала глубокий упадок, которая все больше запутывалась в неразрешимых противоречиях* (выделено нами – В. К., С. III.)»³³⁵.

Представитель ленинградской научной школы М. Ф. Флоринский в годы «перестройки» поставил проблему «кризиса государственного управления» в России. На основе изучения координации деятельности отдельных элементов системы высшего управления ученый пришел к выводу, что неспособность царизма поддерживать минимум единства государственного управления даже с помощью реформи-

³²⁹ См.: Дякин 1984.

³³⁰ См.: Зайончковский 1978; Флоринский 1988.

³³¹ См.: Тимошенко 1968; Флоринский 1990.

³³² Дякин 1984: 8.

³³³ См.: Цамутали 1996: 7.

³³⁴ Ганелин, Цамутали 1996: 13

³³⁵ Соловьев 1973: 3.

ванного в 1905 г. Совета министров в полной мере обнаружилось уже к началу Первой мировой войны. Преодоление растущего разлада в работе «отдельных звеньев бюрократической машины» планировалось путем создания все новых и новых инстанций, призванных стать местом преодоления разногласий между уже существующими, но это создавало «больше новых проблем, чем решало старые». Усиление разобщенности между различными уровнями власти автор называет «одним из важнейших показателей кризиса системы государственного управления»³³⁶.

Таким образом, можно констатировать, что феномен власти изучается всеми поколениями отечественных историков в XX – начале XXI столетия. В этом смысле историографическая традиция выглядит непрерывной, что не исключает, что каждое поколение исследователей может вкладывать свое понимание в термин власть, определение роли властных структур в российской истории. Не следует возводить новые стены между различными этапами развития отечественной историографии и начинать исследование феномена власти с чистого листа.

Список источников и литературы

- Аврех 1989 – Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989.
- Андреев 2003 – Андреев Д. А. Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 122–153.
- Богатырева 2004 – Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
- Ганелин, Цамутали 1996 – Ганелин Р. Ш., Цамутали А. Н. Юрий Борисович Соловьев – человек и историк // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб: Алетейя, 1996.
- Давидович 1975 – Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М.: Наука, 1975.
- Дякин 1978 – Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978.
- Дякин 1982 – Дякин В. С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. – 1982. – № 3.

³³⁶ Флоринский 1988: 203.

- Дякин 1984 – Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Под ред. В. С. Дякина. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленинградское отделение. 1984.
- Зайончковский 1970 – Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). – М.: Мысль, 1970.
- Зайончковский 1978 – Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978.
- Иоффе 1984 – Иоффе Г. З. «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. – М.: Наука, 1984. – Т. 110.
- Иоффе 1987 – Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. – М.: Наука. 1987.
- Кром 2001 – Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. – Т. 4 (22). – М.: Наука, 2001.
- Куликов 2004 – Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань: Б.и., 2004.
- Любичанковский 2007 – Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). – Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007.
- Роббинс 1993 – Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. – 1993. – № 1.
- Соловьев 1973 – Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. – Л.: Наука, 1973.
- Тимошенко 1968 – Тимошенко А. И. Изменения в государственном механизме Российской империи в период первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1968.
- Флоринский 1988 – Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1988.
- Флоринский 1990 – Флоринский М. Ф. Самодержавие и проблема единства государственного управления в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Л., 1990.
- Цамутали 1996 – Цамутали А. Н. Валентин Семенович Дякин и его труды // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб.: Алетейя, 1996.
- Черменский 1976 – Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1976.

SOME OBSERVATIONS ON THE PROCESS OF PENETRATIONS ON THE MODERN HISTORICAL SCIENCE OF THE CONCEPTS OF “POWER”

The article is devoted to the analysis of points of view on the emergence of modern Russian historiography of the term power. The authors through the use of methods historiography analysis justify the reasons for the nomination of the different perspectives and formulate its own position on the issue. They contend continuity historiography process in Russia during XX – beginning of XXI century in the study of the phenomenon of power.

Key words: historiography; scientific discourse; the term power; discontinuity and continuity of Russian historical science.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

С. В. Смирнов

«РУССКИЙ ЦАРЬ И ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР»: РУССКОЕ МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАНЬЧЖОУ-ГО

Статья посвящена русскому эмигрантскому монархическому движению на северо-востоке Китая. Рассматриваются проблемы взаимоотношений русского монархического движения и японских властей в Маньчжоу-го (1932–1945), русской монархической идеи и идеологии ван дао, как основы строительства «общего дома» наций Маньчжурской империи.

Ключевые слова: русское монархическое движение; легитимистское движение; Корпус Императорской Армии и Флота; паназиатизм; ван дао; русская эмиграция; Маньчжоу-го.

Первые русские монархические организации появились в Маньчжурии (северо-восток Китая) в начале 1920-х гг. Это были действовавшие в Харбине «Дальневосточный монархический союз» и «Монархическая народная партия»³³⁷. Крайне малочисленные, не имевшие серьезной финансовой базы и существенной поддержки среди населения

Смирнов Сергей Викторович, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Smirnov Sergey, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: smimov_sergei@mail.ru.

³³⁷ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 34913: Л. 4, 138.